

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМОАРЫ

ЛЕОНИД ШЕБАРШИН

РЕКВИЕМ ПО РОДИНЕ

Легендарные политические мемуары

Леонид Шебаршин
Реквием по Родине

«Алисторус»

2015

Шебаршин Л. В.

Реквием по Родине / Л. В. Шебаршин — «Алисторус»,
2015 — (Легендарные политические мемуары)

В марте 2015 года отмечается 80-я годовщина со дня рождения последнего начальника внешней разведки КГБ СССР Леонида Владимировича Шебаршина. Эта памятная дата совпала с другой – в том же месяце тридцать лет назад Михаил Горбачев встал во главе Советского Союза и началась так называемая «перестройка». Л.В. Шебаршин был очевидцем этой губительной «перестройки» – в своей книге он пишет о том, в каких условиях приходилось тогда работать сотрудникам Госбезопасности СССР. Темы вербовочной работы, связей с зарубежной агентурой, добывания информации, «нелегальной» разведки раскрываются на фоне кризиса власти и общества, затронувшего и разведку. Много лет прошло с тех пор. Кто-то из нас сумел полностью адаптироваться к новым реалиям, но только не Л.В. Шебаршин – легендарный разведчик, чьи порядочность, честность и мужество признавали даже его недруги, в возрасте 77 лет свел счеты с жизнью. В книгу включены мемуары и последние интервью генерал-лейтенанта Шебаршина.

© Шебаршин Л. В., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Из жизни начальника разведки	6
Предисловие	6
Октябрь девяностого	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леонид Шебаршин

Реквием по Родине

© Шебаршин Л.В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Из жизни начальника разведки

Предисловие

Однажды в октябрьском тумане я брел по московской улице.

Дело было в 1992 году, многолетняя служба в КГБ уходила все дальше в прошлое, забывались, растворялись в будничной суете, затягивались осенней сырой дымкой имена, лица, дела. Пройдет еще немного времени, и можно будет с печальной усмешкой вспоминать, что когда-то я возглавлял самую загадочную службу старого Советского Союза – внешнюю разведку Комитета госбезопасности.

В молодости, радуясь хорошей памяти и тренируя ее, я частенько пытался припомнить, что происходило в этот же день ровно год, два года назад. Если удавалось восстановить хоть какое-то, самое незначительное событие, начинал целиком вырисовываться весь день, всплывали, казалось бы, забытые напрочь детали.

Вот так, неспешно шагая по темной и неряшливой улице, я стал припоминать, где был и что делал ровно год назад, в октябре 91-го. Это был день вроде бы без событий и без лица. Нина Васильевна и я жили на служебной даче в Ясенево, я писал воспоминания и, отрываясь от бумаги, часами ходил по лесу. Памяти было не за что уцепиться, оживало лишь чувство разочарования, беспокойства, горькой обиды, которое долго не покидало меня после отставки.

А что происходило ровно два года назад?

Придя домой, я стал копаться в своем беспорядочном архиве – ворох вырезок, выписок, записи в блокнотах, аккуратно напечатанные на плотных квадратных листках выдержки из газет и книг, самодельные брошюры – что-то вроде интимных наблюдений, рукопись книги «Рука Москвы». Занятие поглотило меня, и перед глазами начал медленно появляться, как изображение на проявляемой фотографии, октябрьский день 1990 года – деталь за деталью, лица, слова, дела. Я вновь увидел Ясенево, здания Первого главного управления, стал сызнова переживать старые заботы и волнения.

О советской разведке написано очень много, но достоверно известно очень мало, ибо писали о ней преимущественно с одной целью – разоблачить злодейскую «руку Москвы», писали предатели и перевертыши.

Мне подумалось, что есть смысл воссоздать один день из жизни начальника разведки, пришедшийся на чрезвычайно тревожное и сложное время в истории нашего государства. Воссоздать для того, чтобы иногда самому обращаться к запискам, вернуться в привычную атмосферу размышлений, действий и решений, чтобы вновь хотя бы на несколько минут почувствовать себя живым. Еще лучше, если найдутся читатели, которые заинтересуются внутренней жизнью столь загадочного, а для меня столь обычного учреждения, как разведка.

Октябрьский день был восстановлен и описан. Получилась некая история без начала и конца. Пришлось обратиться к другим дням, к переломным моментам в судьбе разведки и ее начальника.

Июнь 91-го года памятен тем, что прошли выборы президента России и, на мой взгляд, предпринималась попытка реформирования Советского государства. Август и сентябрь того же года ознаменовались крушением старого КГБ и началом новых неурядиц для разваливающейся на части великой страны. В сентябре же закончилась моя служба, которая много лет была смыслом и содержанием всей моей жизни. Итак, несколько дней из жизни начальника разведки и один – из жизни бывшего разведчика, который никак не может привыкнуть к тому, что он «бывший».

Октябрь девяностого

*Когда в листве, сырой и ржавой,
Рябины заалет гроздь...*

А. Блок

Подмосковный осенний лесок печален, но серая влажная лента дороги украшена яркими пятнами кленовых листьев и кое-где, если взглянуть внимательно по сторонам, действительно алеют рябиновые гроздья. Утренний воздух прохладен и вкусен, снега еще не было, осень подходит к концу, лес, небо, трава, человек живут предчувствием близкой зимы.

Раннее осеннее утро – лучшее время для того, чтобы спокойно и трезво взглянуть на жизнь и самого себя. Взгляд не искажен ни горестями, ни радостями, вчерашние волнения, тревоги и надежды под низким прохладным небом кажутся пустыми, и удивляешься: неужели они не давали тебе заснуть? Ведь все так просто, и в голове появляется четкий замысел действий, ускользавший вчера, когда искал решение и не находил его. Превратности бытия... Незваным гостем вдруг возникает фраза: «Жизнь кажется тяжелой только по вечерам. По утрам она невыносима». Сегодня это не так.

Впереди полчаса энергичной прогулки, полчаса наедине с самим собой, движение навстречу долгому дню.

По боковой дорожке бежит, размахивая руками, фигура в синем спортивном костюме и пестрой вязаной шапочке. Председатель КГБ Крючков занимается утренней гимнастикой. Владимир Александрович обладает железной волей, постоянством привычек и убеждений. Утренняя зарядка для него не только (и я подозреваю, не столько) физическая, но и духовная потребность. Жизнь заставляла этого человека ложиться спать на рассвете или не ложиться вообще, но ни разу не смогла заставить его отказаться от зарядки. Вчера председатель уснул не раньше часа ночи. Я знаю это определенно – в половине первого он будил меня телефонным звонком из машины по дороге на дачу. Вежливо кланяюсь, Владимир Александрович машет рукой и, к моему облегчению, продолжает бег. Изредка бывает по-другому. Он приостанавливается и дает какое-то поручение, как правило, срочное, и это означает, что спокойного дня не будет.

У ворот дачного поселка стоит огромный черный «ЗИЛ», ожидающий председателя, отполированная до немыслимого блеска черная «Волга» охраны. Рядом группа подтянутых и очень вежливых молодых людей в штатском, с которыми мы дружелюбно раскланиваемся. Это сотрудники Управления охраны. Совсем недавно оно называлось Девятым управлением, «Девяткой» и было по каким-то не вполне понятным соображениям переименовано в ходе косметической «перестройки» в КГБ. Личная охрана в нашем мире означает принадлежность к самым высоким сферам, сопричастность к Власти, персональный комфорт и крайнюю степень изолированности от общества. Когда-то, в сталинские времена, круг охраняемых был непомерно широк – партийные функционеры до секретарей обкомов, министры, крупные ученые, затем он сузился до членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, в дальнейшем распространился на членов непонятно для какой цели созданного Горбачевым Государственного совета. «Девятка» жила, разрасталась, приспособливалась к новым временам и честно несла службу.

Через несколько минут появится председатель, пойдет по той же осенней, усыпанной листьями дороге, что и я, а за ним потянутся на почтительном расстоянии «ЗИЛ» и «Волга». Территория огорожена забором, оборудована надежной сигнализацией, и охраняемый может пройти несколько сотен метров в одиночестве, не подвергаясь риску нежелательных встреч. Возможно, его догонит быстрой пробежкой кто-то из генералов ПГУ, живущих в том же поселке, напех горячим шепотом поделится последними новостями из разведки и получит

одобрительный кивок начальства. Днем Крючков может задать какой-то неожиданный вопрос: «Что там у вас происходит с Петровым (или Сидоровым)?» Я прикинулся удивленным, поинтересуюсь, откуда у председателя сведения по столь пустому делу, он буркнет что-нибудь загадочное, я пообещаю завершить разбирательство и доложить ему подробно попозже. Ситуация ясна нам обоим – я знаю, кто успел подбежать к председателю со свежей, отдающей скандалом новостью, и ему известно, что я это знаю. Идет невинная игра занятых людей, но в ней есть некоторый смысл: начальник разведки не должен забывать, что каждое его слово, каждое действие, каждый жест будут в доверительном порядке доведены до председателя. Шептуньи мне не нравятся, хотя и обиды на них не держу. В конце концов, они несут информацию не на сторону, а нашему самому высокому начальству.

Дома остаются позади, дорога пустынна. Медленно, как бы пытаюсь последний раз взглянуть на белый свет, падают на землю ржавые сырые листья. Затеиливое черное кружево веток перечеркивается строгими линиями колючей проволоки. Это еще одно напоминание о близости зимы: летом проволока скрыта густой зеленью.

Шагается легко, запах влажной, тронутой тлением листвы невыразимо приятен. Сколько раз, возвращаясь в Москву из жарких, обожженных безжалостным солнцем краев, я с наслаждением вдыхал этот прохладный родной воздух.

Поворот, за поворотом бетонная серая стена, металлические ворота, караульная будка с вывеской «Научный центр исследований». Название вызывает улыбку, хотя к нему привыкли, и все, особенно сотрудники хозяйственных служб, используют сокращение НЦИ. Так окрестил для внешнего мира нашу службу Федор Константинович Мортин, возглавлявший разведку во время ее переезда с Лубянки в Ясенево в 1972 году.

Ворота неслышно и не торопясь распахиваются, вытягивается в струнку дежурный прапорщик. За деревьями, за молодыми, окрашенными осенним золотом и медью кленами вздымаются громады зданий Первого главного управления КГБ СССР. Отсюда тянется невидимая рука Москвы, и нет ни одного уголка земли – от Шпицбергена и Гренландии до Кейптауна, от Нуакшота до Нью-Йорка, – где можно было бы спрятаться от нее. Конечно, картина, которая на мгновение возникает в голове, гораздо проще и прозаичнее: мне представляются бесчисленные резидентуры, конспиративные квартиры, которые прямо сейчас принимают радиоволны из Ясенева или передают сюда свои депеши. Совсем недавно сама мысль, что именно я поставлен во главе всего этого гигантского, видимого и невидимого хозяйства, что я отвечаю за каждую его клеточку, за каждого человека, связавшего свою судьбу с разведкой, – сама эта мысль повергала меня в трепет. Больше четверти века назад я добровольно завербовался в эту армию в качестве рядового воина в звании младшего лейтенанта, вооруженного двумя иностранными языками, верой в Отечество и тщеславной гордостью за принадлежность к самой секретной службе в Союзе. Немыслимо, что теперь я не только команду этой армией, но и свыкся со своим положением.

Одергиваю себя: надо думать о делах, время поразмышлять о жизни и службе когда-нибудь еще придет, лет через пять, семь, а может быть и десять. Если буду жив, разумеется.

В здании ПГУ тихо, спешат с ключами дежурные по отделам, расходятся степенные уборщицы, но до прибытия автобусов с сотрудниками еще около часа. В эту минуту они собираются на остановках, разбросанных по всему городу, обмениваются новостями, поглядывают на часы.

Приемная – «предбанник» кабинета начальника ПГУ – примечательна тем, что в стенном шкафу, переоборудованном под большую клетку, живут два пестрых и горластых попугая с Кубы. Время от времени они поднимают крик, и пронзительные звуки из приоткрытого окна приемной слышны у главного подъезда, давая повод для насмешек острым на язык сотрудникам.

Дежурный докладывает: «В ноль часов тридцать минут около метро «Беляево» милицией был задержан преподаватель Краснознаменного института Кольцов, возвращавшийся из гостей. Посылали за ним дежурного по институту. Сейчас он дома».

Дело ясное и довольно обычное.

– Сильно был пьян? Скандалил?

– Нет, даже протокол не стали составлять.

– Хорошо. Пусть в институте разберутся и мне доложат.

Соприкосновение разведчика со стражами порядка нежелательно в принципе, хотя отношения КГБ с милицией вполне корректны и даже доброжелательны. Однако то, что подвыпивший сотрудник ПГУ ночью побывал в отделении, обязательно станет известно Управлению кадров КГБ и при случае может быть упомянуто как пример падения дисциплины. Но не это важно. Мелкие и крупные инциденты происходили всегда, в разведке пили ничуть не меньше, чем в любом другом советском учреждении, хотя профессиональная закалка чаще, чем другим, помогала избегать неприятных последствий. Попался Кольцов, разберемся, если вел себя нормально, посоветуем впредь быть осторожнее. Слава богу, он не тряс своим удостоверением сотрудника КГБ и не грозил посадить милиционеров. Такие вещи тоже бывали, ибо своя доля дураков есть и в ПГУ. Худо, что подобные случаи учащаются.

– Других происшествий не было...

Тот же дежурный приносит стакан крепкого чая и пачку газет. Прошу его вызвать к 9.15 начальника европейского отдела. Это не вполне обычно, деловые разговоры, как правило, начинаются около десяти, но дело отлагательства не терпит.

Надо послушать новости по радио. Ничего необычного: вооруженные стычки в Нагорном Карабахе, избиение палестинцев в Восточном Иерусалиме, успешно развиваются советско-американские контакты, какая-то зарубежная газета хвалит Горбачева. Вот что-то свеженькое: «...Краснопресненский райсовет Москвы объявил объектами своей исключительной собственности не только землю и недра, но даже воздушное пространство, простирающееся над его территорией». Здорово! Видимо, будут закупать в США средства ПВО! Курьезная новость не веселит. За окном – беспросветное серое небо, понурые березки, плачет тихонько родимая наша земля, под снег готовится уходить. Что же с нами происходит? Куда мы всем многомиллионным народом валимся, в какую пропасть, кто ведет нас?

Быстро просматриваю газеты. Они стали намного интереснее, задиристее, увлекательнее и, к сожалению, безответственнее. Демократия уравнила в правах ложь и правду, ликвидировала монополию правящей партии на ложь. Теперь заливисто врут все. Объемистую пачку газет приходится отложить на послеобеденное время. Стенные часы в сумрачном кабинете чуть слышно отбивают минуту за минутой.

Без стука входит шифровальщик. Так принято, он может заходить в мой кабинет даже тогда, когда идет совещание или прием посторонних посетителей. Шифровальщик обязан немедленно докладывать срочные и важные телеграммы в любое время суток. Для этого есть секретная связь. Начальник сам себе не принадлежит, он и его заместители находятся в режиме вечного боевого дежурства. День может начаться обычно, как сегодня, а завершиться в Кабуле или Варшаве или закончиться в Москве, но не этим вечером, а через сутки. Твоя участь – в черной папке шифровальщика и в телефоне прямой связи с председателем. У этого телефона – он называется еще «домофон» или «матюгальник» – отвратительно громкий звонок, как сигнал корабельной тревоги. Таким он был при Крючкове, который провел в этом кабинете 14 лет, таким он остался и при мне. Резкий звон бьет по нервам и взбадривает перед разговором с шефом.

Телеграмм много. Часть из них – политическая информация – просмотрена помощником, примечательные пассажи подчеркнуты. Другая часть идет с пометкой «Только лично».

«Шифрованная телеграфная связь абсолютно надежна», – клянутся специалисты 8-го Главного управления. Нет ни малейших оснований им не доверять, но в мире нет ничего абсолютно надежного, и береженого Бог бережет. В оперативных телеграммах не используются подлинные имена и названия, они заменены условными, кодовыми наименованиями и псевдонимами, смещены числа. Для непосвященного текст покажется абракадаброй, для меня на сей раз он звучит сладкой музыкой. Несколько месяцев назад пропал ценный агент Ирвин. Он не вышел на тайниковую операцию, и резидентуре пришлось изымать заложенные для него деньги и инструкции. Он не вышел на обусловленную личную встречу, молчала сигнальная линия. Оставались условия «вечной» явки. Раз в месяц резидент на несколько часов растворялся в огромном городе, для того чтобы точно в назначенное время выйти на место и не спеша прогуляться пять-семь минут по пустынной улице, но... возвращался в резидентуру ни с чем. Я знаю, что это значит – после изнурительного проверочного маршрута ходить по чужому темному городу и ждать так нужного тебе человека, сохранять беспечный вид праздного фланера и молиться про себя: «Ну появись же, появись!» И вот наконец Ирвин появился: был в командировке, все в порядке, материалы изучаются и будут доложены дополнительно, условия связи повторены, он их помнит, подробности – почтой. Я никогда не видел Ирвина, не знаю его фамилии, для меня он воплощен в тех документах, ради которых и действует разведка. Не могу удержаться – нажимаю на кнопку внутренней связи и спешу порадовать начальника отдела: «Вышел Ирвин. Все в порядке!» В трубке вздох облегчения.

Дальше – хуже: грубый вербовочный подход к нашему работнику в Голландии. Куда девались европейская деликатность, осторожность, которую всегда проявляли контрразведки в отношении наших сотрудников, тщательная подготовка условий для проведения вербовочной беседы? Совсем недавно грубость могла вызвать столь же грубые ответные меры, дипломатический скандал, политические осложнения.

Политика нового мышления дала свои плоды. К Советскому Союзу относятся пренебрежительно, советский МИД больше всего на свете боится обидеть западных партнеров. Упаси бог, как можно протестовать! ЦРУ, СИС, БНД перестают стесняться. наших работников, дипломатов, военных разведчиков отлавливают и говорят примерно следующее: «Вы молодой и способный человек, но перспективы в Советском Союзе у вас нет. Ваша страна разваливается, жизнь государственного служащего становится все тяжелее, надежды на улучшение положения тоже нет. Вы вернетесь домой и будете вынуждены каждый день думать, где добыть кусок хлеба для своей семьи, а у вас такие милые дети».

Тональность и детали разговора могут меняться, канва же его неизменна, она разработана американцами и принята на вооружение союзниками по НАТО. Будто клич кликнут в западном разведывательном сообществе: «Русские вербуются! Не теряйте времени, вербуйте!»

Сообщения о вербовочных подходах поступают все чаще. Наш человек в Голландии вел себя грамотно и достойно, вербовщик удалился разочарованным. Конечно, активная работа для нашего разведчика на долгое время становится невозможной – его будут провоцировать, подставлять агентуру и в конечном счете скомпрометируют и выдворят. Отзывать, однако, мы его не будем. У него достаточно дел по «крыше», пусть ведет себя осмотрительно. Голландцам же будет дано понять, что подобные штуки им даром не пройдут. Да, погрозим пальцем, а сделать-то ничего не сможем. Совсем недавно мы проанализировали работу американских и других западных спецслужб с советскими гражданами за рубежом. Картина получилась впечатляющая: за дымовой завесой разговоров о партнерстве, новом мышлении, сотрудничестве вместо соперничества, человеческих контактах ведется тотальное наглое наступление на Советский Союз. КГБ направляет доклад и предложения о контрмерах президенту Горбачеву и министру иностранных дел Шеварднадзе. Никакого решения по докладу не принимается.

Я понимаю: своей информацией мы порти́м идиллическую картину мира, ставим под сомнение мудрость внешнеполитического курса руководства, обнажаем те угрозы, которые оно

хотело бы не замечать. Руководство все дальше отрывается от реальности, замуривает глаза, чтобы не ослепнуть от жестокой правды. Что-то очень неладно в наших верхах, и не только с точки зрения большой политики.

Месяца два назад помощник одного из виднейших государственных деятелей КПСС и Советского Союза (назовем его Костин) побывал в Соединенных Штатах. Его исключительно хорошо приняли, обласкали и предложили... тайное сотрудничество. Американцы обнаружили полнейшую осведомленность о всех служебных делах «объекта», похвалили его либеральные взгляды и вообще вели себя так, будто были абсолютно уверены в его согласии работать с ними. Твердый отказ поверг их в смятение. Почему? Откуда у них была уверенность? В разведке такие ситуации известны – с помощником беседовали «по наводке» – иными словами, по рекомендации человека, хорошо знающего «объект» вербовки. Уж не сам ли босс навел американцев на своего помощника? Напрасно Костин отказался так решительно, надо было поиграть, и, возможно, мы увидели бы истинное лицо его начальника. Теперь добраться до правды будет трудновато.

Несколько телеграмм о текущих агентурных операциях, которые, по мнению резидентов, заслуживают внимания начальника разведки. Одна из них должна быть доложена председателю. Владимир Александрович помнит нескольких ценных источников и интересуется состоянием их работы. Память у председателя блестящая, и нередко он ставит меня в тупик своими вопросами. Не приведи Господь дать Крючкову неточную информацию – она откладывается у него навеки, и рано или поздно придется за нее краснеть. Ответ «Не знаю, выясню, доложу», как правило, его удовлетворяет, но выяснять и докладывать надо быстро и точно. Я знаю, насколько близко к сердцу принимает Крючков любые проявления необязательности, неточности, несобранности, вижу, как гнетет его атмосфера нарастающего всеобщего развала и какие усилия он прилагает, чтобы сохранить островок порядка, дисциплины, ответственности – Комитет госбезопасности – в море хаоса в нашем государстве.

Информационные телеграммы. Их немного. Весь поток идет в Информационно-аналитическое управление, там сообщения резидентов обрабатываются и готовятся для доклада наверх.

Телеграммы прочитаны, резолюции наложены, кое-что надо будет обсудить с начальником Управления «С» и начальниками двух отделов в течение дня. Делаю пометки на длинном узком листе бумаги.

Помощник приносит папку с материалами. За несколько месяцев ее обычное содержимое заметно изменилось – нет больше директивных материалов ЦК КПСС, вместо них появились бумаги аппарата президента. Стилль тот же, оформление то же, обязательность (или необязательность) исполнения та же – канцелярская машина крутится в однажды заведенном режиме, бумажный поток течет со Старой площади на Лубянку, с Лубянки в Ясенево. Все по-старому, бывалому, да только нет прежнего напора.

Кто еще нам пишет? Академический институт предлагает разведке свои аналитические материалы на контрактной основе. Письмо циркулярное, видимо, те же услуги предложены МИД и Генеральному штабу. Науке нужны деньги, у разведки денег нет. К тому же у нее есть несколько сотен своих ученых, которые разбираются в интересующих нас проблемах не хуже, чем их коллеги в академических институтах. Дадим очень вежливый ответ. Приятное послание из Штаба военно-морских сил: «Полученные от вас материалы представили большой практический интерес...» Надо поощрить работника и агента. Подобный же отзыв из Министерства электронной промышленности. Если бы наше политическое руководство повнимательнее вчитывалось в информацию разведки! Ехидный внутренний голос шепчет: «Ты думаешь, чудак, что дело в информации? Готов подвергать сомнению все, кроме мудрости живого руководства?» Спорить самому с собой некогда.

Электронные часы в приемной – подарок вьетнамских коллег – каждый час громко играют какую-то бодрую короткую мелодию. Вот и сейчас она издали доносится до слуха. Дверь распахивается, появляются ответственные дежурные, назначаемые на сутки из начальников и заместителей начальников отделов. Сдающий докладывает о ночном происшествии с Кольцовым. «Дежурство сдал генерал-майор...», «Дежурство принял полковник...». Сотрудники ПГУ не носят военной формы, никогда не обращаются друг к другу по званию, но в нашем обиходе действуют многие положения воинских уставов. Разведчик не должен забывать, что он военнослужащий.

Уходят дежурные, и дочитывается последний документ из почты. Девушка из буфета (конечно, спецбуфета – в этом отношении мы похожи на всех других: есть начальство, должен быть спецбуфет) приносит стакан чая с ломтиком лимона, улыбается, спрашивает, не слишком ли крепко чай заварен. «В самый раз, спасибо». Умница девушка, красивая, складная – глаза радуются.

Появляется Иван Васильевич Мартов – начальник европейского отдела. Вчера мы расстались поздно, так ни о чем и не договорившись. Контур решения мелькнул сегодня утром на свежую голову, и его надо еще и еще раз обсудить, ибо ситуация складывается острая¹.

– Иван Васильевич, давайте повторим все с самого начала.

– Хорошо. Вчера в 15.30 поступила внеочередная телеграмма из Парижа. Резидент передал перевод сообщения, полученного накануне через тайник от старого и надежного источника Дантона. С источником работает лично резидент...

– Кто обрабатывает донесения? В каком виде они закладываются в тайник – зашифрованные, тайнопись, в пленке?

– В пленке. Он передает в пленке документы и иногда снимает на последние два-три кадра напечатанные им самим на машинке сообщения. Скоро перейдем на компьютерные дискеты.

– Кто-нибудь в резидентуре мог видеть это сообщение?

– Думаю, что нет. Резидент знает цену источнику, он сам наблюдает за проявлением пленки и лично обрабатывает материал.

– Итак, суть сообщения Дантона...

– Французская контрразведка намерена вербовать нашего резидента в Женеве. Ему будут предложены крупные деньги и два варианта: тайно сотрудничать с французами или на время исчезнуть, а затем объявиться во Франции. У Дантона сложилось впечатление, что речь идет не только о деньгах, для нажима будет использован какой-то компромат. Фамилию нашего человека Дантон не знает, но ясно – это Белов. Он долго работал во Франции, у него на связи до сих пор отличный француз. Что-то они на него могли поднабрать...

– Поднабрать или придумать...

– Могли и придумать. Белов работник опытный и абсолютно честный. Вы же его знаете...

– Да, мне он симпатичен. Но ведь мы и Гордиевского одно время считали честным человеком, а сукин сын Кузичкин у меня в резидентуре был. Противно, но приходится их вспоминать...

Половину дня вчера и полночи Мартов, начальник управления кадров и начальник внешней контрразведки, посвященные в дело, говорили с людьми, которые работали с Беловым на протяжении всей его службы, поднимали архивные материалы, просмотрели каждый документ, где упоминалось имя Белова. Даже с точки зрения профессионально подозрительных контрразведчиков, Белов чист. Ну как же мы так долго не могли раскусить Гордиевского? Где были эти контрразведчики?

---

¹ Здесь географические названия и имена изменены.

– А не могут проверять Дантона? Откуда у него данные? От приятеля-контрразведчика? С чего это он поделился с Дантоном? (Обо всем этом мы уже говорили вчера. Повторим еще раз – глядишь, вскроется какая-то забытая деталь или натолкнемся на новую мысль.)

Неторопливый Мартов закуривает очередную сигарету, я тяну руку к заметно опустевшей с утра пачке, и мы оба вздрагиваем от оглушительно громкого, требовательного телефонного звонка. О, черт! Это председатель. Прямую связь с ним нельзя переключить на дежурных, как другие телефоны, будь то «кремлевки» или «ОС», или городские номера. Иван Васильевич, не спрашивая разрешения, встает и выходит. Таков разумный порядок, председатель может говорить с начальником разведки о вещах, которые не должен знать никто третий.

– Владимир Александрович, доброе утро! Слушаю.

– Добрый день!² Подготовьте материал о состоянии наших переговоров с американцами по наступательному оружию, на чем расходятся военные и МИД и соображения о позиции КГБ.

– Официальную записку или справку для вас?

– Справку! (Крючков говорит быстро, ибо дорожит каждой секундой утреннего времени. К тому же плохо слышно. На его столе стоит микрофон, и если председатель встает с кресла, а делает он это часто, или отворачивается в сторону, звук уходит, приходится переспрашивать, теряя драгоценное время.) Второе – нужен материал о нашей помощи Афганистану, что уже дали в этом году и что потребуется на следующий. Кстати, как там дела у Наджибуллы?

– В Кабуле без перемен. Подробнее, с вашего разрешения, доложу попозже, переговорю с Ревиным (это представитель КГБ в Афганистане). Когда нужны материалы?

– По переговорам – сегодня во второй половине дня, афганские – завтра к утру. Надо поработать с депутатами, я буду кое с кем встречаться. Пока все!

Начальник Информационного управления «РИ» Хренов дожидается в приемной с утренним докладом. Прошу его заглянуть, передаю указания Крюčkова, быстро уточняем сроки исполнения.

Хренов вернется через несколько минут, а нам с Мартовым надо завершать обсуждение.

– Ну так что? Не могут они проверять агента? Мы сейчас испугаемся, вызовем Белова срочно в Москву, и если, не приведи бог, Дантона действительно проверяют, то он горит. Можно, конечно, предупредить Белова телеграммой. Но вдруг его подработали или есть у него за душой какие-то грехи, нам неизвестные. Мы его предупредим, а он испугается и слиняет. Время-то сейчас дурацкое, сколько раз мы уже обжигались... А здесь речь идет о резиденте.

– Обстановка вокруг Дантона нормальная. Его приятель, от которого получены сведения, – любитель выпить и хвастун. Вы же знаете, от него шли интересные вещи и «дезы» никогда не замечали. Сам Дантон ничего необычного не отметил – его друга распирает чувство собственной значимости. Но, в общем-то, кто его знает... Дантоном рисковать нельзя. И Белова дергать не стоит.

Ну что ж, кажется, посетившая меня утром мысль правильна. Выдерживать Белова в Москву не следует, хотя такое решение поддерживает Управление внешней контрразведки. Предупредим его все же об опасности телеграммой, а Мартову придется самому вылететь к Белову ближайшим рейсом, подробно обсудить с ним ситуацию на месте и отработать линию поведения на случай попытки вербовки. Основная установка – категорический отказ от любого предложения, но сразу беседу не прерывать, пощупать самого вербовщика и сделать ему встречное предложение работать на советскую разведку. За очень большие деньги, разумеется. Такие случаи бывали: шел человек вербовать, а уходил завербованным... Вдруг повезет?

У Мартова возражений нет.

---

² Крючков, здороваясь, и ночью говорил: «Добрый день!»

– Пишите рапорт о командировке на мое имя и быстро собирайтесь. Поездку надо как следует легендировать, посоветуйтесь с каэровцами.

– Есть!

Мартов – работник толковый и опытный, сам вербовал и его пытались вербовать. В Белова я верю, вернее, мне очень хочется верить, что он ни при каких обстоятельствах не подведет. Но... почему же собираются пощупать именно его, где он дал повод для подхода? В лоб вербуют интеллигентных необстрелянных мальчишек. Или решили, что пора браться за резидентов? Посмотрим... Несколько дней придется ждать вестей от Мартова, переживать, вновь и вновь прокручивать в голове и вчерашний, и сегодняшний разговоры. На всякий случай надо доложить Крючкову. Не дай бог, какой-нибудь прокол, соломки постелить. Я не сомневаюсь, что Крючков наши действия одобрит и, может быть, даже подскажет что-то такое, о чем мы сами не догадались.

Хренов успел дать задания своим информаторам. (На внутреннем жаргоне это означает сотрудникам Информационно-аналитического управления. Само управление для краткости именуется «Инфо».) Он истомился в приемной, попугаи надоели ему своими воплями, и входит Хренов в кабинет с явным облегчением. В руках у него одна толстенная папка и две потоньше. В той, что потоньше, телеграммы. От частого употребления она треснула по сгибу, и трещина заметно расширяется.

– Пора бы, Владимир Михайлович, папочку-то поменять.

– Да, – сокрушается главный информатор, – все как-то забываю.

– Ладно. С виду неказиста, а посмотрим, что у нее внутри. Начнем, пожалуй!

Обычная утренняя порция. Пять – семь телеграмм, отобранных информаторами из нескольких десятков сообщений, поступивших за ночь из резидентур. В каждой из них есть (по крайней мере должно быть) что-то новое, сохраняемое нашими международными партнерами в тайне. Секретность, важность, актуальность. Если нет хотя бы одного из этих компонентов, телеграмма откладывается, используется для подготовки аналитических записок, но «самостоятельно не реализуется». КПД усилий разведки невысок, доля «информационного шума» велика. Реализация информации – предмет хронического, многолетнего противостояния Управления «РИ» и оперативных подразделений. Информаторы пропускают наверх только то, что действительно ценно, отделы пытаются протолкнуть все, что можно. На Хренова и его команду жалуются на совещаниях, в беседах с начальником ПГУ, иногда в порыве праведного возмущения даже по телефону. Владимир Михайлович переживает, но стоит твердо, не упуская, правда, случая посетовать на людскую несправедливость. Четыре года назад я был заместителем Хренова и глубоко и искренне привязался к этому умному, честному и упрямому человеку. Начальник информаторов терпеть не может лицемерия, пустословия и пустомыслия, которыми так грешат многие деятели перестроечного времени. Он убежден, что во всех делах человеческих должна царить правда...

Телеграммы... Из Пекина – взгляд на положение в советском руководстве. Взгляд объективный, строгий. Едва ли начальство порадует, оно-то хотело бы, чтобы его любили все – от финских хладных скал до пламенной Колхиды и, уж конечно, за рубежом. Китайцев модными общечеловеческими ценностями не заморочишь, они реалисты. Из Вашингтона – оценка Пентагоном состояния подводного атомного флота Вооруженных Сил СССР. Аддис-Абеба: надежный источник из высшего эшелона власти предупреждает, что Менгисту ведет режим к краху, положение в стране полностью выходит из-под контроля. Соратники Менгисту готовы совершить государственный переворот, и если советская сторона даст понять, что поддержит их, то это ускорит развитие событий. Это еще один сигнал бедствия. Дела эфиопского правительства из рук вон плохи: армия развалилась и не воюет, эритрейские, тиграйские националисты наступают, Менгисту в растерянности. Недавно по его приказу было казнено несколько

высших армейских офицеров. Он не остановится и перед новым кровопролитием. Нет, нам влезать в эфиопские дела не стоит.

– Владимир Михалыч, давай к эфиопской телеграмме дадим примечание ПГУ: полагали бы целесообразным от ответа на обращение воздержаться. Как ты думаешь?

– Согласен, там дело бесперспективное...

Тегеран. Иранское правительство рассчитывает закупить в Советском Союзе крупные партии военной техники – средства ПВО, танки, артиллерию. Объемы внушительные, и предлагаемые условия, кажется, выгодные. Стране позарез нужна твердая валюта. Разумеется, очень недовольны будут американцы, и не только потому, что Иран сидит у них бельмом на глазу. Иран был традиционным рынком сбыта американского оружия, и надежду вернуть его США не потеряли. Советский Союз – мощный конкурент.

Берлин. Идет расправа над бывшими сотрудниками министерства госбезопасности, нашими коллегами-разведчиками. Они рассчитывают на моральную поддержку советского руководства. Это очень больной вопрос. Год назад министр иностранных дел Шеварднадзе говорил Верховному Совету о неразумности тех, кто советовал повернуться спиной к старым друзьям. «Новое мышление, – говорил министр, – прежде всего подразумевает такие вечные ценности, как честность, верность, порядочность».

За год много воды утекло, в Кремле о старых друзьях стараются не вспоминать. Что ж, напомним...

Телеграммы через несколько минут будут на столе председателя и уже за его подписью пойдут адресатам – Горбачеву, Рыжкову, Шеварднадзе, Язову. Все доклады наверх подписываются только председателем. Это правило соблюдается неукоснительно. Крючков – а до него Чебриков, Федорчук, Андропов – лично регулирует поток всей комитетской информации. Могут быть, разумеется, неофициальные каналы к высшей власти: к Андропову, например, были приставлены первыми заместителями С. К. Цвигун и Г. К. Цинев, которые о каждом шаге председателя, о всех комитетских и иных делах докладывали Брежневу.

Интересно, есть ли у кого-то из заместителей Крючкова негласные отношения с Горбачевым? Едва ли. Не такой человек Владимир Александрович, чтобы допустить соглядатаев в свое окружение. Впрочем, кто знает? Судя по многим признакам, Горбачев и Крючков полностью доверяют друг другу, Председатель КГБ относится к Президенту СССР и Генеральному секретарю ЦК КПСС с должным уважением, но в высших сферах свои законы – друг за другом там присматривают весьма внимательно.

Перед Хреновым еще две объемистые папки: в одной – аналитические записки, в другой – переводы документальных материалов.

– Срочные есть?

– Нет, до конца дня потерпят.

Кладу бумаги на стопку документов, ожидающих свободного часа. Там уже лежат проект концепции активных мероприятий разведки, заметки к совещанию, назначенному на вторую половину дня, что-то еще, не очень срочное. Поток бумаг захлестывает и председателя, и начальника разведки, всю разведку, весь необъятный государственный механизм. Документы диктуют свою волю людям, мы никак не вырвемся из вязкой бумажной трясины. Попытки перевести наше сложное хозяйство на компьютерные технологии каким-то парадоксальным образом только увеличивают бумажную лавину.

Напоминаю Владимиру Михайловичу о заданиях председателя и расстаюсь с ним до вечера. Выглядит Хренов плохо, он тяжело болен.

«Ты знаешь, – как бы между прочим сказал он мне вчера, – у меня опять образовалась опухоль. Надо ложиться в тот же госпиталь, будут резать». Голос ровный, глаза спокойные... Мое сердце сжимается от ужасного предчувствия. Что можно сказать человеку, которого уже коснулась смерть. Обещать любые лекарства? Это было несколько лет назад, его спасли. Он

знает, что не в лекарствах дело. Он всегда мужественно и твердо смотрел в лицо жизни и знает, что от судьбы не уйдешь. Мой голос спокоен: «Знаешь, старик, все будет нормально. Ты только не тяни. Чем скорее ляжешь, тем больше шансов. Пару недель мы без тебя как-нибудь переберемся».

Хорошо было с тобой работать, хорошо о жизни поговорить, поделиться тяжкими сомнениями и горькой правдой, проверить себя твоей меркой праведника и мудреца... И выпили мы с тобой вместе не так уж мало, никогда не теряя головы.

Уходит Хренов. Появляется дежурный со списком тех, кто звонил с утра. Прошу срочно соединить меня по аппарату ВЧ с Ревиным в Кабуле, переключая все телефоны на себя и начиная звонить тем, кому я был нужен. Второе Главное управление: можно ли прислать человека с проектом доклада председателю? Нужна виза начальника ПГУ. Дело мне знакомое: иностранный дипломат согласился сотрудничать с КГБ, он возвращается в свою страну и будет принят там на связь нашей резидентурой. Доклад председателю должен подвести итог первому этапу работы. Если говорить проще, Второй главк хочет похвастать перед начальством и нет резона ему мешать. Сегодня мы их по мелочи поддержим, завтра они нас.

Звонок в Генштаб, там тоже готовят материал по Афганистану, и мы договариваемся с коллегой из Главного оперативного управления об общей линии.

Центр общественных связей КГБ: с начальником ПГУ желала бы встретиться группа молодых политических деятелей – «Форум-90». «Деваться некуда. Выбирайте день на следующей неделе, время послеобеденное».

И так далее. Только положишь трубку, кто-то звонит, вспыхивают кнопки на пульте внутренней связи – это или краткие сообщения начальников подразделений по текущим делам, или просьбы принять с докладом. Я отвечаю на все звонки – по-видимому, сказывается мое плебейское происхождение. Настоящие, прирожденные руководители, выходцы из партийного аппарата, никогда не отвечают на звонок сами. Им об этом докладывают секретари и помощники. Кстати, эта манера, сохранившаяся у деятелей ЦК даже в период надвигающейся катастрофы, вызывает ярость у Крюкова: «Я звоню такому-то по первой «кремлевке». Секретарша берет трубку, спрашивает, кто звонит, я говорю: «Крюков», а она еще уточняет: «Откуда вы, товарищ Крюков?» Владимир Александрович в пустяковом симптоме улавливает тяжкую болезнь партийного (а оно все еще и государственное) руководства – боязнь общения с людьми, страх перед соприкосновением с жизнью.

На проводе Кабул, слышимость прекрасная, линия надежно защищена и позволяет вести секретные переговоры.

Ревин кратко докладывает обстановку. Ночью Кабул был обстрелян пятью реактивными снарядами, есть жертвы. В Логаре продолжаются ожесточенные бои между отрядами Хекматияра и бандами Исламского общества. Обстановка вокруг Хоста ухудшается. Дорога на север открыта, колонны грузовиков проходят из Хайратона в Кабул. В общем, существенных изменений нет.

– Как чувствует себя Доктор (так в своем кругу мы называем президента Наджибуллу)?

– Доктор сердит на нас. Он хочет, чтобы Москва депортировала Гулябзоя, Карваля и других заговорщиков, ему непонятно, почему мы этого не делаем.

Весной в Кабуле министр обороны Танай пытался совершить государственный переворот. В ходе ожесточенных непродолжительных боев заговорщики были сокрушены, Танай бежал из Кабула. Бывший министр внутренних дел Гулябзой к тому времени уже находился в Москве в качестве посла Афганистана. В Москве же проездом и, видимо, не случайно находился один из лидеров халькистского крыла партии «Ватан» Карваль. Опираясь на материалы следствия, свидетельствующие о прямом участии Гулябзоя и Карваля в заговоре, Наджибулла настойчиво требовал их выдачи. Советских войск в Афганистане нет; президент сумел сдерживать натиск оппозиции, сорвать попытку переворота, сосредоточить в своих руках власть. Он

волен в своих решениях – Гулябзою и Карвалю грозит смертная казнь. Возможно, еще два-три года назад к этим гостям Москвы пришли бы незнакомые им, молчаливые люди, усадили в автомашины с затененными стеклами и в ночное время отвезли на аэродром в Чкаловском, где стоял бы с прогретыми двигателями самолет на Кабул. Могли бы в наших душах шевелиться всякого рода сомнения: живые люди, да и Гулябзой для нас не один из безликого множества – в 1979 году советская разведка спасла его от неминуемой расправы. Смертный приговор тогда вынес ему Хафизулла Амин, и мы его прятали в Кабуле от преследователей. Все это мы могли бы вспомнить, но тем не менее повезли бы Гулябзю на суд и расправу и каялись бы потом, поминали бы нашего друга-пуштуна. Время изменилось!

Прошу Ревина убедить Доктора, что его требование нерезонно и невыполнимо. Кажется, в Кабуле трудно понять, что происходит в Москве. Доктор весьма умен, но и он не может осознать, что его друзья в Советском Союзе стремительно утрачивают позиции. Американцы требуют его головы – советское руководство не сможет им отказать. Поупрямится для приличия и сдастся.

Сообщаю, что скоро в комитетах Верховного Совета будет рассматриваться вопрос о помощи Афганистану на 1991 год. Демократы попытаются сбивать Верховный Совет с толку. С одной стороны – они, с другой – американцы. Наши предложения об оказании помощи должны быть хорошо обоснованы.

Какие-то умники из аппарата ЦК придумали в свое время скользкий термин «интернациональный долг»: Советская армия выполняла в Афганистане «интернациональный долг». Если Наджибулла падет, пламя войны перекинется на советскую Среднюю Азию. Речь идет не об абстракциях, а о государственных интересах страны.

Сможет ли Ревин дать понять Наджибулле, что ему не следует рассчитывать на помощь и поддержку с Севера, даже если они будут обещаны?

Ревин обещает прислать свои предложения, обсудив их с послем Б. Н. Пастуховым.

Тут же докладываю о разговоре с Кабулом Крючкову. Говорю, что сейчас надо дать Наджибулле как можно больше военной техники, боеприпасов, помочь ему создать запасы для продолжения войны, ибо скоро советская сторона бросит своего союзника, а американцы, пакистанцы, саудиты не откажутся от своих целей в Афганистане, и поток оружия оппозиции не иссякнет.

– Запасы создавать надо, вы правы. А насчет поддержки мы еще посмотрим... Да-а-а, и Гулябзю с Карвалем, конечно, отдавать нельзя.

Мне прекрасно известно, что Крючкова одолевают сомнения, сможем ли мы поддержать Наджибуллу и что он сделает все возможное, чтобы наша помощь не прекращалась. У разведки на этот счет иллюзий нет.

– Кстати, – говорит Владимир Александрович, – я еще раз прошу вас внимательно посмотреть дело Рината. Вы его помните? Калугин тогда предал ценного агента. Как мы не оценили своевременно? Проанализируйте, это не было ошибкой Калугина.

– Хорошо, будет сделано.

Ничего не может быть сделано. Я уже неоднократно читал довольно неряшливую кипу материалов. Там много пробелов, которые в 1977 году восполнялись телефонными переговорами между Москвой и Прагой. Никто не догадался (или не захотел?) зафиксировать эти переговоры на бумаге. Калугин консультировал чехословаков в довольно запутанной оперативной ситуации, по его совету они выдворили в США агента, который показался Калугину двойником, и агент угодил за решетку. Доказать, что Калугин совершил это с умыслом, а не по легкомыслию, мне кажется невозможным. Я уже говорил об этом председателю. Тем не менее он вновь и вновь вспоминает об этом деле.

Калугин мне глубоко несимпатичен. Поссорившись с властью, которая не оценила его «выдающихся» качеств и отправила в отставку, он наносит удары по разведке, рассказывает

всяческие небылицы, не шадит товарищей. И с властью он поссорился только тогда, когда она ослабла. Но... из дела Рината ничего не вытянешь, и на Калугина можно повесить самое большее – некомпетентность.

Разговор с председателем окончен, в приемной погас красный огонек, и с докладом заходит начальник Управления «С» Юрий Иванович Дроздов. Управление «С» организует и ведет нелегальную разведку в отличие от других подразделений, которые работают с легальных позиций. У новичков в госбезопасности столь странное на первый взгляд деление на легальное и нелегальное вызывает недоумение: разве не вся разведка за рубежом действует нелегально, в нарушение иностранных законов? О какой же легальности может идти речь? Названия, как и многое в нашей службе, условны и сложились исторически. Легальная резидентура действует под прикрытием советских учреждений, официально присутствующих в иностранном государстве. Это может быть посольство, торгпредство, представительство при международной организации, корпункт, отделение советского академического института или внешнеторгового объединения. У сотрудника разведки ГРУ или КГБ, работающего в одном из этих учреждений, советский паспорт, и, как каждый советский человек, он находится на подозрении у местной контрразведки.

Иное дело – нелегал. У него безупречные иностранные документы, причем не поддельные, а полученные законным путем, реальная, поддающаяся проверке биография, солидная профессия – он может быть врачом, инженером, бизнесменом, художником. У этого человека две параллельные жизни: лет десять – пятнадцать назад в одной жизни Федоров, скажем, заканчивал институт иностранных языков в Москве, а в другой – некто Рэнсом работал клерком в отделении канадской фирмы в Сингапуре. Где-то в то время фирма лопнула, и молодой Рэнсом отправился на поиски счастья в Иран, где и скончался от какой-то азиатской болезни, а Федоров, который в дальнейшем станет Рэнсомом, осваивает азы разведывательной науки под крылом Управления «С». Канадец Рэнсом холост. Его друзья с военно-морской базы США частенько по этому поводу подтрунивают, да и сам он не прочь над собой пошутить – не везет-де с женщинами. Рэнсом-Федоров – нежный муж и любящий отец, в подмосковном городке его ждет семья. Раз в год он покидает своих американских друзей и уезжает в командировку по делам фирмы, несколько раз меняет по дороге документы и, наконец, ненадолго оказывается со своими близкими. И, разумеется, с коллегами из Управления «С» – отчет, инструкции, новые средства связи. Возможно, на обратном пути Федоров-Рэнсом сделает короткую остановку в курортном европейском городке, проедет на арендованной машине по живописным окрестностям и изымет из тайника под опорой моста или в расщелине между камнями то, что нужно ему для работы, – портативный радиопередатчик, неотличимый от обычного приемника, блокнот для тайнописи, пачку наличных денег... Через пару дней Рэнсом угощает старых американских друзей с базы и рассказывает о своем путешествии. Он абсолютно вне подозрений.

Вот такими делами занимается Управление «С», которое много лет возглавляет Юрий Иванович Дроздов.

Пока Юрий Иванович раскладывает для доклада свои бумаги, нам приносит по чашке кофе та же милая девушка, а я закурываю очередную сигарету. Дроздов не курит, к моей слабости относится снисходительно. Начальник нелегалов всегда улыбается, часто смеется отрывистым смехом. К теме разговора улыбки и смех ни малейшего отношения не имеют. Это просто хорошая профессиональная привычка – улыбчивое лицо растормаживает собеседника, снимает у него внутреннюю напряженность. Мне кажется, что очень немногое способно действительно развеселить Юрия Ивановича. Это один из столпов разведки – он воевал в Великую Отечественную, пришел в госбезопасность сразу после войны, побывал на нелегальной работе в Германии, был резидентом в важнейших для нас точках, участвовал в афганской эпопее (пусть официально это называется «афганской авантюрой», но для солдат Афганистан был эпопеей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.